

Молодой Ленинград*57

Ленинградское отделение
издательства «Советский
писатель», 1957 г., 412 стр.
Тираж 15 000 экз.
Цена 14 р. 30 коп.

Редакторы М.С. Довлатова и
А.А. Троицкий

В создании книги принимали
участие: Л.Н. Рахманов,
В.С. Шефнер, А.Л. Садовский,
С.В. Владимиров
Художник Б.Г. Крейцер

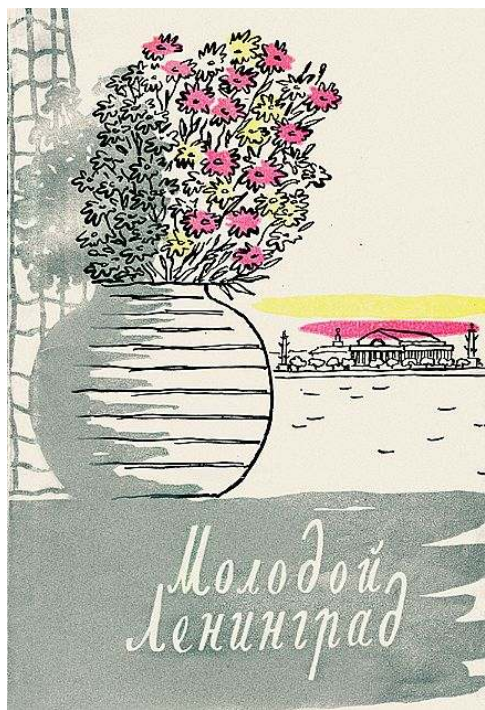
Иллюстрации: В. С. Орлов,
А.А. Ушин, В.М. Звонцов,
Н.Т. Куликов, Б.М. Бельтюков,
С.В. Вихарев, И.Н. Мешков,
В.Г. Шевченко

Стихи: Борис Гусев, Сергей Авраменко, Василий Белозеров,
Вадим Пархоменко, Александр Наумкин, Никита Суслович, А. Макаров,
Владимир Кузнецов, Вячеслав Кузнецов, Л. Лившиц, Валентин Горшков,
Ирина Малярова, В. Костылев, Сергей Скаченков, Нина Королева,
Владимир Британишский, Александр Кушнер, Лев Куклин,
Виктор Круглов, В. Бетаки, Глеб Горбовский, Людмила Барбас,
Д. Гаврилов

Проза: Виктор Конецкий, Эдуард Шим, В. Курочкин, Виктор Головинский,
В. Инфантьев, Ф. Гордеев, Хадича Васильева, Владимир Ляленков,
Вадим Беляев, Сергей Тхоржевский, Б. Половников, К. Долинин,
Виктор Конецкий, В. Афонин, Эмиль Офин

Очерки: А. Калентьева, М. Тверская, Владимир Узилевский, М. Земская,
Леонид Иванов, Георгий Любош

Критика: А. Иезуитов, А. Рубашкин, Н. Захаренко, И. Кузьмичев,
В. Сизых, Григорий Усыкин

Владимир Британишский

ВЕСНА

Под мостиком бревенчатым,
Где грязь лежит сиреневая,
Ручей поет бубенчиком,
Весенний гимн вызвенная.
Ступай травой невысохшей,
Пройди с водою рядом,
Все, что расскажет, выслушай,
Подбадривая взглядом.
Перемахнешь играючи,
И сразу же, наверно,
Протянет лапки заячьи
Доверчивая верба.
Ко мне трава молоденькая,
Как будто кошка, ластится:
Дождусь ли я, Володенька,
Хоть маленького счастьяца?
Кто жалуясь, кто спрашивая,
В глаза ко мне заглядывают...
Как будто брата старшего
Они во мне угадывают!

Вячеслав Кузнецов

МИРОНЫЧУ

Ты за счастье народа, Мироныч, погиб.
И, едва распознав белый свет,
Я хочу, чтоб мечтали наши враги
Разрядить в меня пистолет.
Высоко ли светит моя звезда,
Все ли в жизни мне по плечу?..
Даже самым лучшим друзьям не всегда
Нравиться я хочу.
Но хочу, чтоб друзья, принимаясь судить
Обо мне, разумели само собой:
Коль случится вместе в атаки ходить,
Я не буду у них за спиной.

Как могу я не мерить мои мечты
С тем, о чем ты, Мироныч, мечтал,
Если такой человек, как ты,
Жизнь за меня отдал.

Сергей Скаченков

* * *

Все делал просто и уверенно,
А вот сегодня как назло,
Стоял неловкий и растерянный...
Ему вчера не повезло.

Была «причина» в платье розовом,
Явился локон золотой...
Что не пришла, не значит – бросила:
У них был вечер выпускной.

Хотел спросить: «Когда увидимся?»
А сам сказал: «Не пропаду!»
Не показать бы, что обиделся,
Да вся обида на виду.

С надеждой робкою, погасшею,
Смотрел украдкой на нее.
Как будто вновь глазами спрашивал:
«Мое ты счастье или чье?»

А «счастье» умирало со смеху
Над неудачливым, чудным...
Садилось солнце там, за соснами,
И улыбалось молодым.

Василий Бетаки

ЗА ТЕХ, КТО В ЛЕСУ

Здесь высокие берега,
По нагорьям боры шумят,
Зеленит озера тайга,
Окунается в них закат...
Хорошо в туманный рассвет
По крутой тропинке сбежать

И, челнок столкнув по воде,
На тугое весло нажать.
А за озером, где сосна,
Над березами в полный рост,
Хорошо у костра без сна
Досидеть до последних звезд.

Виктор Курочкин

ЗАКОЛОЧЕННЫЙ ДОМ *(отрывок из повести)*

Что жизнь-то вообще чудесна, Пека – сын потомственного пастуха Фаддея Трофимова – узнал очень рано. Но он также рано узнал и другое – жить-то живи, но не забывай получше смотреть да оглядываться.

Пятилетним мальчонкой Пека получил в жизни первый щелчок. В те времена в Лукашах около пожарного сарая висел кусок рельса. Это был своего рода колокол, который поднимал лукашан на пожар или на деревенскую сходку. Особым вниманием пользовался рельс у ребятишек. На нем можно было качаться, а иногда колотить этот рельс тяжелым ржавым болтом. И вот как-то этот рельс легонько поцеловал Пеку в затылок. Пеку унесли замертво. Но нет худа без добра. Пека стал самым знаменитым человеком в Лукашах, а поэтому трогать глубокую вмятину на затылке разрешал не всякому.

На восьмом году жизни Пеке посчастливилось попасть под первый трактор, появившийся в Лукашах. Доктора наотрез отказались его вылечить, заявив: «Нам с ним делать нечего». Но Пека все-таки выжил.

А в пятнадцать лет Пека совершил такое, чего и сейчас не могут забыть в Лукашах. Комсомольцы решили из старой церкви сделать клуб. Для этого решили раньше всего снять с купола крест. Решить-то решили, а смельчака – добраться до креста по круглому, обросшему скользким мхом куполу – не находилось. За это дело взялся Пека, предварительно поставив условие, что если он доберется до креста и привяжет к нему веревку, его сразу же примут в комсомол.

Посмотреть на Пекин подвиг сошлась вся деревня.

Пека, прикрепив к босым ногам досочки, утыканные гвоздиками, полез на купол. Внизу, потрясая кулаками, заголосили старухи, призывая господу покарать антихриста. И действительно, жутко было Пеке. Зеленый круглый купол походил на арбуз, и карабкаться по нему было очень трудно. Когда Пека поскользнулся, и его потянуло вниз, старухи закричали: «Брось, Пека, бог покарает!»

Как добрался до креста, Пека и сам не помнит. Зато очень хорошо помнит, как батька до полусмерти порол его ремненным чересседельником.

Неожиданно для всех Пека отличником окончил среднюю школу.

«Вот и не гляди, что батька пастух. Малец-то – голова!» – удивлялись лукашане, а потом решили, что Пека пошел по маткиной линии и удался в деда Федота, который умел складно и много говорить.

То было перед войной.

С фронта Пека явился офицером, с десятком орденов и медалей.

Жить в колхозе было тяжело. В Лукашах один за другим заколачивались дома. Фаддей Трофимов жил один – жену он схоронил сразу после ухода сына на фронт. Петр пробыл у отца месяц и тоже уехал. Что делал он в городе, в Лукашах точно не было известно, только ходили слухи, что якобы он выучился на юриста и работал где-то прокурором.

Он появился за неделю до Нового года. По пустынной улице прошел невысокий человек с чемоданом в руках, в драповом пальто с серым каракулевым воротником, в новых валенках и в шапке с кожаным верхом. Прошел медленно, пристально разглядывал дома, перешел по лавам через Холхольню и по тропинке свернул в Зареку. Матвей Кожин в это время пилил с женой дрова.

– Кто ж такой? – спросила Анна.

– Да кто ж?.. Не иначе как Петька Трофимов. По походке видно. Вона как носки по сторонам разбрасывает. Его походка.

– Какой справный, – заметила Анна.

Матвей что-то буркнул, плюнул на ладонь и с силой дернул пилу. Пила из реза выскочила и, пробороздив по бревну, уткнулась в овчинную рукавицу.

– Чего стоишь, рот разиня! – вскипел Матвей.

Анна нехотя оторвала глаза от дома Трофимовых и, вздохнув, принялась пилить.

Когда Петр вошел в дом, Фаддей лежал на кровати поверх одеяла, подсунув под голову руки.

– Здесь Фаддей Романыч Трофимов живет? – спросил Петр сдавленным голосом.

– Я Фаддей Трофимов, – ответил, приподнимаясь, старик.

Петр прошел по избе, посмотрел на стены, на запыленные рамки с фотографиями, на генерала с журнальной обложки, у которого видны были лишь погоны да пуговицы, на икону с мрачным ликом чудотворца и присел на лавку у окна.

– Тебе кого? Аль меня? – спросил Фаддей и, не получив ответа, опять лег.

С болью глядел Петр на стол, покрытый рваной клеенкой, на лампу, из которой сочился керосин, на засаленный рукав полушубка, свисавший с печки. У скамейки дремал большой черный кот. Петр погладил его. Кот, старательно выгнув спину, потерялся об его валенки.

– Если ты, товарищ, насчет пастуха, так я буду пастухом. Кому же еще быть, как не мне, – проговорил Фаддей, спуская с кровати ноги.

Петр почувствовал, что дальше молчать невмочь, что его душит.

– Папа, ведь это же я.

Петр поддержал шагнувшего к нему отца и крепко обнял.

– Сынок, Петька, приехал, – пробормотал Фаддей, глядя лицо и плечи сына. – Вот ведь плохо видеть стал, Петенька. Совсем не вижу в сумерки.

Он заторопился вздуть лампу и долго шарил в печурке спички. Зажгли лампу. Сквозь мутное стекло чуть виднелся рваный язык пламени.

– Давненько ты, наверное, стекло не чистил, – заметил Петр.

– Какое там, – махнул рукой Фаддей, – обхожусь так. За керосином далеко ходить, да и не нужна она мне. А ты голодный, Петька? Я сейчас печку затоплю, поужинаем. И мясо найдем, и яички есть... Давно тебя поджидал, – говорил Фаддей, гремя заслонкой.

– Не надо, папа, – остановил отца Петр, – есть чем поужинать. Печкой мы займемся завтра.

Он достал из чемодана банку консервов, круг копченой колбасы и полбуханки хлеба, поставил на стол бутылку коньяку. Фаддей разыскал стопки и старательно вытер их подолом своей рубахи. Отец с сыном выпили. Фаддей, понюхав корку, спросил:

– Это какое же?

– Коньяк.

– Ага, – понимающе кивнул Фаддей. – Дорогой, поди?

– Да не дороже нас с тобой, – улыбнулся Петр и пристально посмотрел на отца. – Папа, на что ты деньги тратил, которые я тебе посылал?

– Да зачем их тратить? Разве деньги тратят? Деньги в хозяйстве сгодятся.

– Да в каком хозяйстве? – возмутился Петр. – Деньги я тебе присылал, чтобы ты на них жил, чтоб мог нанять человека белье постирать, пол вымыть. Ты смотри, что у тебя за рубаха!

Фаддей обиделся.

– Да на что тебе сдалась моя рубашка? Не рваная – и ладно, а изорвется – почию, нешто у меня рук нет. – И, помолчав, добавил: – А деньги твои, Петька, целы, все сберег.

– Да как же ты жил? – изумился Петр.

– А ты что ж думал, мы здесь с голоду пухнем? – усмехнулся Фаддей.

– Я же пастух. А пастух нынче самый зажиточный человек в колхозе... А ты надолго ль ко мне? Ну-ну, налеп мышьяку-то.

Фаддей выпил, закусил колбаской и весело взглянул на сына.

– Так много ль погостишь у меня?

– Я совсем приехал, отец, – глухо ответил Петр.

– Та-ак, – протянул Фаддей, – значит, не выдюжил, сорвался.

– Нет, отец, выдюжил, не сорвался.

– Аль несчастье какое? Может, она одолела? – и Фаддей пощелкал ногтем бутылку.

Петр улыбнулся:

– Да ты, я смотрю, недоволен...

– Мне-то что... живи.

Фаддей медленно наполнил стопку коньяком, опрокинул ее, долго мотал головой и вдруг грохнул по столу кулаком:

– Недоволен! Я зачем тебя учил?!

Петр смолчал. Старик еще хотел что-то крикнуть, но, видимо, вспышка гнева уже потухла. Он сгорбился и, упираясь руками в колени, покачал головой.

– Нет, видно, не получился из тебя человек. Опять ты в деревню. Батька – пастух, и сын тоже не лучше. А я в тебя верил, вот как верил. – И Фаддей, уставясь в угол, перекрестился.

Петру стало обидно и жаль отца... Но в тот вечер он ему ничего не сказал. Сказать было нужно, да слов не нашлось.

Виктор Конецкий

НАШ КОК ВАСЯ (отрывок из рассказа)

– Эгей, дядя! Ползи сюда поближе! – кричал наш кок соседнему коку.

– Ползи, ползи сюда. Успеешь миски помыть.

– Чего ты гавкаешь, щенок? – отзывался какой-нибудь поседевший над кастрюлями повар. – Чего ты, щенок, гавкаешь?

– Дядь, ты случаем раньше в ресторане не работал?

– Да, а что? – спрашивал повар и, вытирая руки, спешил к борту. Ибо каждый корабельный кок работал когда-нибудь в первоклассном ресторане и любит вспомнить об этом.

- А в каком ресторане, дядя?
- В «Приморском» во Владивостоке.
- Ух ты. В «Приморском»! Это хорошо. А томатный соус у тебя есть?
- Есть, а что?
- Давай на томатный сок менять?

Кругом собирались матросы. Они у меня были совсем молодые – курсанты из средней мореходки, практиканты. Приходил и старпом. Внимательно (как бы не продешевил чего кок) слушал, потирал небритые щеки. Василий Михайлович твердо верил, что небритые мужчины нравятся девушкам больше. Правда, в море, где девушек нет совсем, он еще реже беспокоил себя бритвой.

В перебранке и торговле проходил час. Потом Вася тащил к себе на камбуз бутылку томатного соуса и от радости напевал что-нибудь.

Занятный он был парень, Васька. И пел задушевно. Особенно удачно у него получалось: «Я – цыганский барон! У меня много жен...» Но что бы Вася ни пел, песня ему в работе не помогала. То клейстер из фигурных макарон у нас на обед, то тюрю из сушеной картошки.

Он очень старался приготовить что-нибудь попримечнее, наш новый кок, часто показывал всем свое свидетельство об окончании поварской школы в Ленинграде. Мне даже стало казаться, будто он не кончал ее. Плохо еще было, что Вася не имел привычки к морю, и когда у Святого Носа прихватило нас хорошим штормом, так даже клейстер из фигурных макарон он не смог приготовить. То у него все сторит, то перевернется, то плитку чаем зальет и угли уже не раздуть. Двое суток мы только консервы и сухой хлеб ели. Сам же Вася вообще ничего не мог взять в рот. Тяжело он переносил море – едва ноги передвигал. Но моряк мог бы из него получиться. Душевные данные для этого были у Васи: в койку он не лез – прятаться под одеяло от своей слабости не хотел. Чуть живой ползет по трапу в кубрик к матросам.

– Ребята, – хрипит, – а что я вспомнил сейчас! Очень даже веселая история. Посмеетесь, может быть.

В кубрике выбрасывает от качки ящики из рундуков и мигает свет. А Вася уцепится за поручни на трапе и рассказывает слабым голосом:

– Вот был у нас в экспедиции один парень. Двухлетнего оленя сшибал с ног. Зайдет с бока, как фуганет оленю плевком в морду! Тот брык – и с копыт долой. И не шевелится больше. Это, значит, нервный шок называется. Здорово, ребята? Или вот еще случай...

Ну, ребята и заулыбаются. Будто не было бессонных ночей, промокших сапог и сырых простынь на койках. А пока Васька про оленя рассказывает, у него в кастрюльках только пепел остается.

Но ребята не злились на него за плохой харч. Полюбили его ребята. Не знаю за что, а полюбили. И прощали многое – и сухомятку, и тюрю из сушеной картошки.

Да, так вот. Поддаваться морю Вася не хотел. Боролся со слабостью. Дым из камбузной трубы задувало ко мне на мостик и в самую непогоду. Но одного дыма мало. Дымом не пообедаешь. Механик делал мне по десять сцен на дню.

– Что ваш кок коптит? Только пачкает небо этот уголовник. А я есть хочу! Я в том уже возрасте, когда надо питаться регулярно. Мне по договору нормальная пища положена, а где она? Где пища, я вас спрашиваю?

– Вы же видите, – растолковываю ему, – кок прилагает усилия. А это и есть главное. Кок даже по ночам не выходит из камбуза.

Вася действительно по ночам в камбузе сидел. Это однажды сослужило нам хорошую службу.

Я еще на стоянке механику говорил, что надо грузовую стрелу смайнать до самого трюма и закрепить в лежачем положении намертво. А Роман Иванович уперся и говорит: «Нет!» Показывает мне заводской чертеж, на котором походное положение стрелы указано под сорок пять градусов к мачте.

– Если заводские инженеры так решили – значит, точно, – говорил мне механик: он авторитетам очень сильно верил.

Ну, вот, когда у Святого прихватил нас норд-ост, то оттяжки у стрелы не выдержали и лопнули. Тяжелый стальной блок стал с борта на борт по воздуху летать, и вся стрела тоже. Вася той ночью сидел у себя в камбузе и все пытался сварить что-нибудь. Вдруг по стенке камбуза как ахнет этот блок. От удара краска и пробковая изоляция посыпались Васе за шиворот. Васек чувствует: случилось что-то неладное. Выбрался из камбуза. Ночь мокрым ветром насквозь полна. Пена через низкий фальшборт хлещет. Волна с полубака накатом идет по палубе. Тучи над головой летят так быстро, будто ими из пушки выстрелили. Свист и грохот вокруг. В такую кутерьму и бывалый матрос не сразу поймет, в чем дело. Но Вася понял. Подскочил к машинному люку – он ближе всего от камбуза расположен, – крикнул механику, что стрелу сорвало, а сам полез к мачте. Как его блок не уробил – это только Вася да тот блок знают.

Механик потом рассказывал, что, когда он вылез из машинного отделения, Вася уже по стреле карабкался. А стрела с борта на борт перекадывалась, и от креплений оттяжечных осталось одно только воспоминание.

– Щенок беспальный! – заорал Роман Иванович. – С ума ты съехал, что ли? Сейчас за борт улетишь, стерва!

А Вася и ответить механику на грубые слова ничего не мог – так Васе на стреле трудно держаться было. Добрался он до конца стрелы, съехал по тросу на блок, обхватил его. Тут и я вышел на палубу. Вижу, летает по воздуху наш новый кок и время от времени кричит что-то совсем вроде нецензурное. А механик все хочет Васю за ногу ухватить, но никак это у него не получается.

– Вот видите, – кричу я механику, – неправы вы, Роман Иванович. Нужно было опускать стрелу до самого низа, а потом уже крепить. Я вам сколько раз говорил об этом! А вы все заводским авторитетам поклоняетесь...

Потом мы поймали кока за ноги, на блок набросили петлю и стрелу закрепили.

Механик после этого случая еще больше настроился против Васи. Будто кок был виноват в том, что оттяжки у стрелы не выдержали и Роман Иванович оказался неправ.